

Научная статья
УДК 314.7:323.1
<https://elibrary.ru/PNOBXL>

Миграционные установки выходцев из Казахстана на Южном Урале

Андрей Александрович Авдашкин

Институт гуманитарных исследований Уро РАН, Пермь, Россия
adrianmaricka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования миграционных установок выходцев из Республики Казахстан в Челябинской области. Хотя миграция из Северного Казахстана на Южный Урал играет важную роль в восполнении убыли населения, установки мигрантов, их мотивы и интеграционные траектории пока недостаточно изучены. Цель исследования – выявить основные траектории и мотивы переезда, определить миграционные установки респондентов, а также оценить отношение к ним принимающей стороны. Эмпирическую базу составили данные социологического опроса 400 мигрантов из Казахстана, проведенного в сентябре–декабре 2025 г. в Челябинске, Магнитогорске, Копейске и Троицке, а также 60 глубинных интервью, позволивших детализировать наиболее сложные сюжеты, связанные с мотивацией и планированием будущего. Статистическая погрешность выборки не превышает 5% при доверительной вероятности 95%. Установлено, что основная часть респондентов принадлежит к двум волнам миграции – 1990-х гг. и периода после 2014 г., при этом подавляющее большинство мигрантов прибыло из Костанайской области Республики Казахстан. В числе основных причин миграции фигурировали отсутствие работы в стране исхода, недовольство высоким уровнем коррупции и отсутствием социальных лифтов. Показано, что свыше половины опрошенных оценивают свое пребывание в России как постоянное, но значительная часть реализует транснациональные стратегии, позволяющие диверсифицировать риски, связанные с экономической и политической нестабильностью «здесь» и «там». Отношение принимающей стороны оценивается респондентами преимущественно как нейтральное, что обусловлено этнической близостью большинства мигрантов к русскому населению. Полученные результаты могут быть использованы при разработке региональных программ адаптации и интеграции мигрантов, а также в дальнейших исследованиях транснациональных миграционных стратегий русских казахстанцев.

Ключевые слова: миграция, транснационализм, демография, Казахстан, Челябинская область, Костанайская область

Благодарность: автор признателен всем респондентам, принимавшим участие в количественном и качественном этапах реализации проекта. Исследование выполнено в рамках Государственного задания «Русские в регионах УрФО: полевые и стационарные исследования (2026–2028 гг.)».

Для цитирования: Авдашкин А. А. Миграционные установки выходцев из Казахстана на Южном Урале // Власть и управление на Востоке России. 2026. № 1 (114). С. 133–143. EDN: PNOBXL

Original article

Migration Attitudes of Immigrants from Kazakhstan in the Southern Urals

Andrey A. Avdashkin

The Institute for Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

adrianmaricka@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8169-2755>

Abstract. *This article presents the results of a sociological study on the migration attitudes of immigrants from the Republic of Kazakhstan in the Chelyabinsk region. While migration from Northern Kazakhstan to the Southern Urals plays a significant role in compensating for population decline, the attitudes of migrants, their motivations, and integration trajectories remain insufficiently studied. The aim of the research is to identify the main trajectories and motivations for relocation, determine the migration attitudes of respondents, and assess the receiving population's perspective. The empirical base consists of data from a sociological survey of 400 migrants from Kazakhstan conducted in September-December 2025 in Chelyabinsk, Magnitogorsk, Kopeysk, and Troitsk, as well as 60 in-depth interviews that provided insights into the more complex narratives related to motivation and future planning. The statistical error of the sample does not exceed 5% with a confidence level of 95%. It was found that the majority of respondents belong to two waves of migration – the 1990s and the period after 2014, with a significant portion arriving from the Kostanay region of the Republic of Kazakhstan. Key reasons for migration included the lack of jobs in the country of origin, dissatisfaction with high levels of corruption, and the absence of social mobility. It was shown that over half of the respondents view their stay in Russia as permanent, yet a significant portion engages in transnational strategies that allow them to diversify risks associated with economic and political instability «here» and «there.» The receiving population's attitude is predominantly assessed by respondents as neutral, which is attributed to the ethnic closeness of most migrants to the Russian population. The results obtained can be utilized in the development of regional adaptation and integration programs for migrants, as well as in further research on the transnational migration strategies of Russian Kazakhstanis.*

Keywords: migration, transnationalism, demographic, Kazakhstan, Chelyabinsk region, Kostanay region

Acknowledgment: the author is grateful to all respondents who participated in the quantitative and qualitative stages of the project. The research was carried out within the framework of the State Assignment “Russians in the Regions of the Ural Federal District: Field and Stationary Research (2026–2028)”.

For citation: Avdashkin, A. A. (2026) Migration Attitudes of Immigrants from Kazakhstan in the Southern Urals. *Power and Administration in the East of Russia*, no. 1 (114), pp. 133–143. EDN: PHOBXL

Постановка проблемы

После распада СССР миграция из регионов Северного Казахстана является важным источником для восполнения демографической убыли населения российских регионов. Так, между Костанайской и Челябинской областями сложились достаточно прочные связи в сфере миграции [см.: Лазаренко, 2016]. С одной стороны, эти связи оказывают существенное влияние на этнодемографический состав населения, но в то же время сведения о мотивах и установках акторов этих перемещений пока носят ограниченный характер. Тем самым наблюдается разрыв между макростатистикой, фиксирующей миграционные связи, и локальными контекстами этих процессов, поскольку отсутствует понимание мотиваций и стратегий мигрантов. Цель настоящего исследования – выявить миграционные установки выходцев из Казахстана на Южном Урале на примере Челябинской области. В рамках данной статьи внимание уделялось следующим исследовательским вопросам: каковы основные траектории и мотивы миграции из Казахстана; какие миграционные планы формулируются и ощущают ли опрошенные негативное отношение принимающей стороны.

В литературе представлен анализ миграции этнических русских в Россию из стран ближнего зарубежья, в том числе из Казахстана. В 1989–2019 гг. за счет миграционного оттока, ассимиляционных процессов и естественной убыли численность русского населения в странах ближнего зарубежья сократилась с 25 млн до 10–11 млн человек. В результате за последние десятилетия миграционный потенциал населения Северного Казахстана претерпел ощутимое сокращение [Суций, 2020; Манаков, 2021]. Заметное изменение этнодемографического состава населения, географии расселения и трансформация исторической памяти по обе стороны российско-казахстанской границы снижают потенциал приграничного сотрудничества [Карпенко, 2019; Карпенко, Себенцов, 2022].

Кроме того, миграция оказывала влияние на формирование этнических

общественных объединений. С одной стороны, они трансформировались в инструмент национальной политики, но в то же время уровень организованности этнических групп существенно различался. Так, в Северном Казахстане наиболее организованными являлись именно немецкие сообщества, тогда как русские сплоченности не проявляли [Смирнова, Блинова, 2023; Смирнова, 2024]. Важно отметить, что рождаемость нетитульных этнических групп в Казахстане постепенно снижается, тогда как у представителей титульной этнической группы наоборот возрастает [Смирнова, Блинова, 2025]. «Поворот на Восток» вызвал пристальное внимание к миграции и этнодемографическим процессам в контексте внешнеполитических изменений [Колосов, Зотова, Туров, 2022; Азиатская Россия..., 2025].

Хотя в литературе уже достаточно подробно раскрыты особенности этих перемещений и взаимодействий, пока мало исследований посвящено собственно настроениям самих мигрантов из Казахстана. Нет четкого понимания стратегий их мобильности, не вполне ясны интеграционные траектории и механизмы планирования будущего. При этом значительную часть миграционного прироста из Республики Казахстан формируют представители русской этнической группы, что оказывает определенное влияние на этнодемографический состав населения страны в целом, Южного Урала в частности. Несмотря на то, что подготовлен ряд фундированных работ, сфокусированных на широких миграционных контекстах, транснациональные жизненные сценарии мигрантов из Казахстана («здесь» и «там») за редким исключением пока не становились предметом специализированных исследований [Kosygina, 2017].

Материалы и методы

В сентябре–декабре 2025 гг. в Челябинске, Магнитогорске, Копейске и Троицке прошел социологический опрос мигрантов, приехавших в Челябинскую область из Казахстана. Всего в исследовании приняли участие 400 респондентов, проживших в Челябинской области не менее года. Респонденты относились к так называемым

мой труднодоступной группе для работы, поэтому удалось опросить лишь 400 чел., что вполне соответствует целям исследования. При доверительной вероятности 95% погрешность выборки не превышает 5%, что позволяет транслировать полученные данные на генеральную совокупность. После чего у респондентов взято 60 глубоких неструктурированных интервью для уточнения наиболее сложных сюжетов, связанных с проблемой миграции населения из Северного Казахстана в Россию. Средняя продолжительность беседы составляла 60 мин.

Результаты

Существенная часть респондентов принадлежала к двум крупным волнам миграции – 1990-х гг. (22,5%) и «новой» волне миграции, усилившейся после 2014 г. (31,8%) (табл. 1). Особенно респонденты выделяли эту волну миграции, когда произошло заметное ухудшение экономической ситуации в стране исхода, а миграционные планы уже были довольно четко сформулированы. Кроме того, как отмечали участники интервью, примерно в эти годы университеты закончили представители волны рождаемости конца 1980-х гг.; отсутствие возможностей для трудоустройства и высокий уровень коррупции в Казахстане привели к тому, что многие молодые люди начали

воплощать в жизнь свои миграционные планы, в которых Челябинской области отводилась важная роль. Отметим, что с 2014 г. индекс восприятия коррупции в Казахстане начал постепенно расти и достиг к 2024 г. 40 баллов, что является самым значительным показателем с 2001 г.¹ Примечательно, что доля тех, кто покинул Казахстана после 2020 г., также заметна, что свидетельствует о сохранении миграционных настроений. К советской волне миграции, преимущественно 1980-х гг., принадлежали порядка 8% респондентов. В основном это представители старшего поколения.

Одним из пиковых периодов отъезда интервьюируемые назвали 2019 г., когда за пределы страны выехало, по данным казахстанских властей, порядка 40 тыс. чел. Из них 88% направились в Россию, в Германию – 2,6 тыс. чел. (6%), в Польшу – 550 чел.² При выборе направления для миграции важную роль играла этническая идентичность – русские в основном ехали в Россию. В 2021 г. Челябинск, по данным Финансового университета при Правительстве РФ, занял 9 строчку в числе городов, наиболее привлекательных для квалифицированных международных мигрантов, в том числе из Казахстана³. Информанты согласились с этой позицией, поскольку они сами, их

Таблица 1

Ответы на вопрос: «Когда Вы приехали в Челябинскую область?»

Вариант ответа	Общее кол-во	В %
До 1991 г.	33	8,3%
В 1990-е гг.	90	22,5%
В 2000–2014 гг.	73	18,3%
После 2014 гг.	127	31,8%
После 2020 г.	60	15,0%
Нет ответа	17	4,3%

Источники: рассчитано и составлено автором

¹ Индекс восприятия коррупции. Казахстан // Statbase. URL: <https://statbase.ru/data/kaz-corruption-perceptions-index/>

² Торебаева М. Искатели потерянного: кто и почему уезжает из Казахстана в Россию // Известия. 2022. 27 марта. URL: <https://iz.ru/1302757/madiia-torebaeva/iskateli-poterannogo-kto-i-pochemu-uezzhaet-iz-kazakhstan-a-v-rossiiu>

³ Подольская Е. Челябинск вошел в топ-10 городов, привлекательных для мигрантов с профессией // Южноуральская панорама. 2021. 9 марта. URL: <https://up74.ru/articles/news/128485/>

знакомые и родственники, обладающие высокой профессиональной квалификацией, приезжали работать в Челябинск с целью набора опыта и самореализации в последние десять лет.

Подавляющее большинство респондентов прибыло на Южный Урал (табл. 2) из Костанайской области (59,5%), которую интервьюируемые воспринимают как «по-прежнему один из самых русских регионов Казахстана». Это объясняется не только географической близостью. Из 76 тыс. уроженцев Казахстана, зафиксированных переписью населения 1989 г. на территории Челябинской области, порядка 42% (31,8 тыс.) являлись уроженцами Костанайской области. Численность уроженцев остальных областей Казахстана не превышала 7–8%, (соответственно Северо-Казахстанская и Целиноградская (Акмолинская) области)⁴. Это после распада СССР обусловило прочные родственные транснациональные связи между регионами, которые в значительной степени формировали миграционные траектории. В ходе интер-

вью неоднократно звучала мысль, что подавляющее большинство казахстанцев в Челябинской области – это выходцы «из Костаная, Рудного и Лисаковска». Далее заметное количество респондентов прибыло из Павлодарской (9,3%), Северо-Казахстанской (6,0%) и Актюбинской областей (5,8%). Остальные территории представлены незначительно (менее 5% каждая), что акцентирует наше внимание на миграционных траекториях из приграничных регионов Казахстана.

Характеризуя этнический состав миграции, интервьюируемые отметили, что в основном в Россию ехали русские, поскольку немцы в основном уезжали в Германию, а поляки – в страны Европы. Этнический состав опрошенных выглядит следующим образом: 59% отнесли себя к русским, 8,8% – украинцам, 5,8% – татарам; 4,5% – немцам; 5,5% – корейцам. Доля представителей остальных этнических групп составляла 2–3%⁵. В ходе интервью этнический состав казахстанской миграции характеризовали как преимущественно «русский», поскольку

Таблица 2

Ответы на вопрос: «Укажите регион Казахстана, откуда Вы приехали»

Вариант ответа	Общее кол-во	В %
Абайская	1	0,3%
Акмолинская	16	4,0%
Актюбинская	23	5,8%
Алматинская	1	0,3%
Атырауская	1	0,3%
Западно-Казахстанская	2	0,5%
Карагандинская	17	4,3%
Костанайская	238	59,5%
Павлодарская	37	9,3%
Северо-Казахстанская	24	6,0%
Улытауская	1	0,3%
Астана	11	2,8%
Алматы	5	1,3%
Нет ответа	23	5,8%

Источники: рассчитано и составлено автором

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение населения республик СССР и их регионов по месту рождения. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_pob_89.php?reg=86

⁵ Среди респондентов, принимавших участие в исследовании, также фигурировали белорусы, поляки, башкиры, узбеки

«подавляющее большинство немцев уже уехало», а представители других этнических групп малочисленны в структуре населения Казахстана. В подтверждении своих доводов участники интервью приводили официальные данные казахстанских органов власти. Так, в 2021 г. страну покинули 31,6 тыс. чел., этнический состав которых в целом коррелирует с результатами проведенного опроса: русские – 68,83%, немцы – 9,61%, украинцы – 7,42%, казахи – 5,10%, татары – 3,08%, поляки – 1,40%, белорусы – 1,39%, корейцы – 0,59%⁶.

Одна из основных причин переезда из Казахстана (табл. 3), которую указывали респонденты, – поиск работы (34,8%). Однако в ходе интервью эта позиция была детализирована, в интерпретациях многие проблемы сводились к коррупции, о чем речь шла выше, а также отсутствию социальных лифтов. Данные социологических опросов, проведенных под эгидой международной организации миграции в Казахстане, также свидетельствовали, что коррупция являлась одним из важных мотивов миграции за пределы Казахстана, в особенности это касалось молодежи.

Существенная доля тех, кто отметил образование (18,0%) в качестве мотива переезда, потом в ходе интервью подчеркивала, что образование рассматривалось с точки зрения перспектив интеграции в российское общество сту-

денческой молодежи, детей школьного и дошкольного возраста. Так, по данным казахстанской стороны в 2024–2025 учебном году в вузах Челябинской области учились 2,5 тыс. казахстанцев⁷. Как отметил ряд интервьюируемых, качество школьной среды в России и Казахстане существенно различается. Если в Казахстане «качественные школы сосредоточены в основном в столице», то в России в городах, таких как Челябинск или Магнитогорск, уровень школьного образования достаточно высокий.

Кроме того, опрошенные выделили и фактор семейной миграции (16%). В ходе интервью отмечалось, что наличие родственников в городах Челябинской области становилось крайне важным фактором при выборе региона для проживания. С одной стороны, многие миграционные планы изначально формулировались вокруг столичных городов и регионов – Москва и Московская область, Санкт-Петербург, Екатеринбург. Однако в дальнейшем анализ ситуации убеждал, что на первоначальном этапе необходимо опираться на родственные и земляческие связи, сформированные как раз в Челябинской области. С одной стороны, эти связи приобретали транснациональный характер, а с другой – способствовали локализации акторов на Южном Урале.

Характеризуя свои миграционные пла-

Таблица 3

Ответы на вопрос: «Укажите причины, по которым Вы решили приехать в Россию?»

Вариант ответа	Общее кол-во	В %
Организация и ведение бизнеса (%)	45	11,3%
Отсутствие работы в Казахстане (%)	139	34,8%
Образование в России (%)	72	18,0%
Другое	56	14,0%
Приехал к родным (%)	65	16,3%
Нет ответа (%)	23	5,8%

Источники: рассчитано и составлено автором.

⁶ Саруар А. Казахстанцы активнее покидают страну: в 2021 году эмигрировало более 32 тыс. человек // LS. 2022. 10 февраля. URL: <https://lsm.kz/migraciya-za-2021-god>

⁷ Около 2,5 тысячи студентов из Казахстана учатся в вузах Челябинской области // КТК. 2025. 29 июля. URL: https://www.kt.kz/rus/art/okolo_2_5_tysyachi_studentov_iz_kazahstana_uchatsya_v_vuzah_1377980574.html

ны, респонденты разделились во мнениях (табл. 4). С одной стороны, большинство оценили свое пребывание на территории России как «постоянное» (51,5%), что говорит об отсутствии на данный момент планов на возвращение в Казахстан или переезд в другую страну. При этом треть опрошенных все же признала, что постоянно анализирует возможные сценарии возвращения в страну исхода или формулирует планы на отъезд. Пребывание в России они оценивают как временное явление. В ходе интервью многие признавали, что продумывают запасные сценарии возвращения в Казахстан, поскольку опасаются экономической нестабильности или ощутимого падения доходов. Молодые люди признавались, что временно поставили для себя на «стоп» вопрос о получении российского гражданства, поскольку опасаются призыва в армию. В сложившейся ситуации они склонны сохранять казахстанское гражданство, но жить и работать в России. Кроме того, работа в Челябинске и Магнитогорске рассматривается как хороший способ получить ценный профессиональный опыт и связи, а также заработать деньги, которые в Казахстане было бы сложнее заработать.

Заметная доля затруднившихся с ответом свидетельствует о высоком уровне неопределенности в процессе принятия решений о миграции. Интервьюируемые полагают, что выходцы из Казахстана заняли преимущественно выжидательную позицию и пытаются просчитать устойчивость российской экономической модели развития в условиях внешнеполитического давления. Во многом по этой причине респонденты признавались, что

делают определенный упор на сохранение транснационального образа жизни «здесь» и «там», чтобы диверсифицировать риски.

В ходе интервью обсуждались различные жизненные стратегии мигрантов, в том числе длительное проживание с российским паспортом в казахстанских регионах. Среди них интервьюируемые называли Костанайскую и Карагандинскую области, а также Астану. На результаты, полученные в ходе качественного этапа исследования, органично накладываются итоги переписи населения, проведенной в Казахстане в 2021 г. Среди основных регионов, где зафиксировано проживание граждан России, фигурировали: Карагандинская область – 2 646 чел., Восточно-Казахстанская область – 2 057 чел., город Алматы – 1 956 чел., Костанайская область – 1 880 чел., город Нур-Султан (Астана) – 1 212 чел.⁸

Прямой вопрос о намерении уехать из России (табл. 5) выявил достаточно высокий уровень поляризации среди опрошенных. Доля тех, кто открыто заявил эту позицию примерно совпала с теми, кто расценивал свое пребывание в России преимущественно как временное (28% и 43% соответственно). Еще примерно четверть опрошенных допускает отъезд из России, но временный. В ходе качественного этапа в числе причин называли семейные обстоятельства, возможность самореализации в Казахстане на основе профессионального и жизненного опыта, полученного во время жизни в России.

Показательно, что значительная доля респондентов уклонилась от ответа на данный вопрос, поскольку посчитала это вторжением в частную жизнь или побоя-

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Вы оцениваете свое пребывание в России как временное или постоянное?»

Вариант	Общее кол-во	В %
Постоянное (%)	206	51,5%
Временное (%)	138	34,5%
Нет ответа (%)	56	14,0%

Источники: рассчитано и составлено автором

⁸ Более подробно см.: Миграция населения Республики Казахстан. Астана, 2023. С. 163.

Таблица 5

Ответы на вопрос: «Планируете ли Вы уезжать из России?»

Вариант	Общее кол-во	В %
Да (%)	113	28,3%
Нет (%)	97	24,3%
Да, но потом вернусь (%)	100	25,0%
Нет ответа (%)	90	22,5%

Источники: рассчитано и составлено автором.

лась заявлять свои планы даже на условиях анонимности. Кроме того, материалы интервью показали, что заметная доля желающих уехать из России далеко не всегда готова воплощать свои намерения, поскольку реальный механизм принятия решения устроен значительно сложнее; на него влияет большое количество явных и скрытых акторов (семья, коллеги, работодатели и др.). Как подчеркнули участники интервью, в большинстве случаев декларации о намерении уехать так и остаются таковыми. Респонденты привели несколько кейсов, когда намерения уехать, возникшие ситуативно, в итоге не реализовывались, поскольку против выступали члены семьи, мужа и жены; смена обстановки откладывалась во времени на неопределенный срок ради того, чтобы дети не проходили новый этап интеграции и обустройства в школьных коллективах. Для молодых женщин важным фактором в пользу проживания в России стала медицина. В ходе интервью они сравнивали качество, а также доступность медицинских услуг в Казахстане и в России (например, работа детских врачей, родильные дома).

Порядка половины опрошенных (48%) полагают, что миграционные свя-

зи между регионами Северного Казахстана и России сохранятся, а общая численность мигрантов будет в ближайшие годы расти (табл. 6). Это говорит о том, что участники транснациональных сетей респондентов, оставшиеся «там», ориентированы на переезд, выясняют и анализируют детали, связанные с проживанием и трудоустройством в России. Этот сценарий оценивается респондентами как наиболее вероятный. Скорее всего респонденты оценивали примерное количество своих ближайших знакомых, которые формулировали планы на переезд в Россию.

При этом есть позиции, согласно которым миграционный потенциал Казахстана или исчерпан, а значит показатели миграции останутся на прежнем уровне (25%), или будет снижаться (13,8%) за счет появления альтернативных направлений (в их числе для русских казахстанцев в материалах интервью названы Германия, Польша, Чехия, Словакия, США, Канада, Южная Корея и ряд др. стран Азии). Отказались отвечать на данный вопрос 12% опрошенных.

В таблице 7 представлены результаты ответа респондентов на вопрос: «Будет ли количество мигрантов из Казахстана на Урале как-либо меняться?».

Таблица 6

Ответы на вопрос: «Будет ли количество мигрантов из Казахстана в России как-либо изменяться?»

Вариант	Общее кол-во	В %
Будет увеличиваться (%)	195	48,8%
Будет уменьшаться (%)	55	13,8%
Останется без изменений (%)	101	25,3%
Нет ответа (%)	49	12,3%

Источники: рассчитано и составлено автором.

Таблица 7

Ответы на вопрос: «Будет ли количество мигрантов из Казахстана на Урале как-либо меняться?»

Вариант	Общее кол-во	В %
Будет увеличиваться (%)	145	36,3%
Будет уменьшаться (%)	47	11,8%
Останется без изменений (%)	167	41,8%
Нет ответа (%)	41	10,3%

Источники: рассчитано и составлено автором.

Мигранты из Казахстана оценивают отношение принимающей стороны (табл. 8) как нейтральное (77%), поскольку большинство приезжих из Казахстана не воспринимается как культурно отличительное. О статусе иностранного гражданина таких лиц обычно знают, но это не формирует межгрупповых барьеров в повседневной жизни. Тот факт, что основу казахстанской миграции составляют преимущественно рус-

ские, оказывает влияние на категоризацию приезжих из Казахстана в качестве «своих», а не «других». Существенная часть респондентов фиксирует положительное к ним отношение (19,5%) и лишь меньшинство сталкивалось с негативом. Факты негативного отношения отмечались как эпизодические (2,3%) и по материалам интервью зачастую они связаны с конкуренцией за вакансии на рынке труда.

Таблица 8

Ответы на вопрос «Как, по Вашему мнению, воспринимает мигрантов из Казахстана соседнее население других национальностей?»

Вариант	Общее кол-во	В %
Негативно (%)	9	2,3%
Нейтрально (%)	309	77,3%
Положительно (%)	78	19,5%
Нет ответа (%)	4	1,0%

Источники: рассчитано и составлено автором.

Выводы

В структуре казахстанской миграции на Южный Урал преобладают в основном выходцы из приграничных регионов, преимущественно это Костанайская область, а также представители русской этнической группы, что обусловлено разветвленными родственными и экономическими связями в приграничных районах. Среди основных мотивов переезда названы экономические факторы (трудности с трудоустройством и низкий уровень доходов, высокий уровень коррупции и отсутствие социальных лифтов). Заметную роль в принятии решения об отъезде играют образовательные стратегии, ориентированные на интеграцию детей в российское общество, а также наличие родственников

и знакомых в Челябинской области, которые зачастую становятся источником информации и социальной опорой. Материалы интервью и социологического опроса демонстрируют реализацию транснациональных стратегий, когда акторы стремятся сохранить свое положение одновременно в принимающем и отправляющем обществах. С этой целью респонденты стремятся сохранить казахстанское гражданство на продолжительное время, чтобы не терять потенциальные преимущества жизни на две страны. Однако неопределенность и сохранение «выжидательных» установок демонстрируют необходимость реализации дальнейших мер по изучению установок русских мигрантов из Казахстана для разработки программ интеграции.

Список источников:

1. Азиатская Россия: демография, этнический состав населения и межнациональные отношения в условиях поворота на Восток / отв. ред.: Т. Б. Смирнова, А. Н. Блинова. Омск: Наука, 2025.
2. Карпенко, М. С. Приграничное измерение евразийской интеграции России и Казахстана: вызовы для сотрудничества // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 1. С. 24–36. DOI: 10.31857/S2587-55662019124-36 EDN: AHFJGO
3. Карпенко, М. С., Себенцов, А. Б. Демографические и социокультурные вызовы приграничному сотрудничеству на российско-казахстанской границе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. Т. 67. № 3. С. 454–474. DOI: 10.21638/spbu07.2022.304 EDN: ZAZGEO
4. Колосов, В. А., Зотова, М. В., Туров, Н. А. Геополитика и политическая география в России: основные направления, теоретические подходы и особенности // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2022. Т. 86. № 3. С. 393–415. DOI: 10.31857/S2587556622030086 EDN: FZKFXK
5. Лазаренко, В. А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2016. № 4. С. 55–63. EDN: XIQXOZ
6. Манаков, А. Г. Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 5. С. 687–698. DOI: 10.31857/S2587556621050058 EDN: OETWKS
7. Смирнова, Т. Б. Этническая самоорганизация на постсоветском пространстве: развитие, структура и функции // Этнография. 2024. № 1(23). С. 210–236. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-210-236 EDN: LIQMFM
8. Смирнова, Т. Б., Блинова, А. Н. Этническая самоорганизация в условиях фронта (на примере немцев, казахов и русских) // Журнал фронтальных исследований. 2023. Т. 8. № 3(31). С. 195–220. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.538 EDN: KX-SVUC
9. Смирнова, Т. Б., Блинова, А. Н. Этнический фактор рождаемости в приграничных регионах Российской Федерации и Республики Казахстан // Журнал фронтальных исследований. 2025. Т. 10. № 3. С. 237–257. DOI: 10.46539/jfs.v10i3.759 EDN: VBHVFN
10. Суций, С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137 EDN: RYFQNV
11. Kosygina, L. (2017) Re-nationalisation, inter-nationalisation, and supra-nationalisation in the re/production of transnational social space(s): The case of Kazakhstanis residing in Novosibirsk *Journal of Ethnic and Migration Studies*, vol. 43, iss. 6, pp. 1026–1043. DOI:10.1080/1369183X.2016.1221336 EDN: YZRBWF

References:

1. Asian Russia: Demography, Ethnic Composition, and Interethnic Relations in the Context of the Pivot to the East. Ed. by T. B. Smirnova, A. N. Blinova. Omsk: Nauka, 2025. (in print) (in Russ.).
2. Karpenko, M. S. (2019) CrossBorder Dimension of Eurasian Integration of Russia and Kazakhstan: Challenges for Cooperation. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, no. 1, pp. 24–36. DOI: 10.31857/S2587-55662019124-36 EDN: AH-FJGO (in Russ.).
3. Karpenko, M. S., Sebentsov, A. B. (2022) Demographic and Sociocultural Challenges to CrossBorder Cooperation on the Russian-Kazakhstan Border. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, vol. 67, no. 3, pp. 454–474. DOI: 10.21638/

spbu07.2022.304 EDN: ZAZGEO (in Russ.).

4. Kolosov, V. A., Zotova, M. V., Turov, N. L. (2022) Geopolitics and Political Geography in Russia: Global Context and National Characteristics. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, vol. 86, no. 3, pp. 393–415. DOI: 10.31857/S2587556622030086 EDN: FZKFXK (in Russ.).

5. Lazarenko, V. A. (2016) Inflow of Migrants from the Former USSR Countries to the Regions of Russia. *Lomonosov Geography Journal. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*, no. 4, pp. 55–63 EDN: XIQXOZ (in Russ.).

6. Manakov, A. G. (2021) Assessment of Post-Soviet Space Ethnic Transformation at Regional Level. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*, vol. 85, no. 5, pp. 687–698. DOI: 10.31857/S2587556621050058 EDN: OETWKS (in Russ.).

7. Smirnova, T. B. (2024) Ethnic SelfOrganization in the PostSoviet Space: Development, Structure and Dunctions. *Etnografiya*, no. 1 (23), pp. 210–236. DOI: 10.31250/2618-8600-2024-1(23)-210-236 EDN: LIQMFM (in Russ.).

8. Smirnova, T. B., Blinova, A. N. (2023) Ethnic SelfOrganization in Frontier Conditions (Examining the Examples of Germans, Kazakhs, and Russians). *Journal of frontier studies*, vol. 8, no. 3(31), pp. 195–220. DOI: 10.46539/jfs.v8i3.538 EDN: LIQMFM (in Russ.).

9. Smirnova, T. B., Blinova, A. N. (2025) Ethnic Factor of Birth Rate in the Border Regions of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. *Journal of frontier studies*, vol. 10, no. 3, pp. 237–257. DOI: 10.46539/jfs.v10i3.759 EDN: VBHVFN (in Russ.).

10. Sushchiy, S. Ya. (2020) The Russian Population of the Near Abroad: Geodemographic Dynamics of the PostSoviet Period. *Demographic Review*, vol. 7, no. 2, pp. 6–30. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11137 (in Russ.).

11. Kosygina, L. Re-nationalisation, Internationalisation, and Supra-nationalisation in the re/production of Transnational Social Space(s): The case of Kazakhstanis Residing in Novosibirsk. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2017, vol. 43, iss. 6, pp. 1026–1043. DOI: 10.1080/1369183X.2016.1221336 EDN: YZRBWF

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 16.03.2026; принята к публикации 18.03.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 16.03.2026; accepted for publication 18.03.2026.

Информация об авторе

А. А. Авдашкин – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований УРО РАН.

Information about the author

A. A. Avdashkin – Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute for Humanitarian Research, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.